

УДК 332.1

ПЕТРОСЯНЦ ДАНИЭЛ ВИКТОРОВИЧ

к.э.н., заместитель руководителя Департамента Политологии
ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: dan-basa@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПСИХООБЩЕСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРОБЛЕМНОГО РЕГИОНА¹

Аннотация. В статье исследуются вопросы влияния неэкономических (политика, медийный фон, межнациональные и межрелигиозные отношения, культурные традиции, трудовые навыки и менталитет местного населения и др.) факторов на возможности регионального развития проблемных территорий в условиях современных вызовов общественно-политической среды. Рассматриваются некоторые аспекты сложности согласования интересов общества в отдельных федеративных территориях СКФО, что сопряжено с проблемами разобщенности и атомизации современного социума, невозможностью его «грубой» консолидации на стратегических мобилизационных направлениях, как, например, в СССР на строительстве БАМа, при освоении целины и т. п. В результате исследования делается вывод о необходимости комплексного подхода к развитию регионов, что не только экономические рычаги способны дать толчок к развитию, но и методы сглаживания социально-политической направленности. Не раз предлагаемые государством механизмы развития экономики регионов, не находя рефлексивного отклика в обществе, так и оставались только декларациями о намерении, более того, их тупиковость и неэффективность только повышали всеобщий нигилизм и инфантилизм в обществе. Без учета особенностей и самобытности психообщественной инфраструктуры в каждом отдельном регионе ни одни, даже проверенные временем, лекала успешных зарубежных практик не заработают с требуемой отдачей.

Ключевые слова: региональная политика, социальная напряженность, медиаактивность, социальный капитал, институциональная среда.

PETROSYANC DANIEL VIKTOROVICH

Candidate of Economic Sciences, Deputy Head of the Political Science Department, Financial University under the Government of the Russian Federation e-mail: dan-basa@yandex.ru

SOCIO-POLITICAL ASPECTS OF DEVELOPMENT INFRASTRUCTURE PSYCHOLOGICAL CLIMATE OF SOCIETY TROUBLED REGION

Abstract. The article raises questions about the influence of non-economic (politics, media background, interethnic and interreligious relations, cultural traditions, labor skills and the mentality of the local population, and others.) Factors on the possibilities of regional development of problem areas in the context of contemporary challenges of socio-political environment. Some aspects of the complexity of reconciling the interests of society as a separate federal territories North Caucasian Federal District, which is associated with problems of fragmentation and atomization of modern society, the impossibility of its "rough" consolidation mobilization strategic directions, as in the USSR on the construction of BAM, during the development of virgin lands, etc. The study concludes that the need for an integrated approach to regional development, not only economic leverage are able to give impetus to the development, but also the methods of smoothing the social and political orientation. More than once, the proposed state mechanisms for the development of regional economies, finding reflexive reviews in society and remain only declarations of intent, moreover, their futility and ineffectiveness, only increased the general infantilism and nihilism in the society. Without taking into account the characteristics and identity psihoobschestvennoy infrastructure in each region, no one, even the time-tested patterns of successful international practices that do not work with the desired efficiency.

Keywords: regional policy, social tension, media activity, social capital, institutional environment

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-02-00093а.

Современная Россия начинает свое летоисчисление в 90-е годы XX века и сразу попадает в сложнейшие социально-экономические условия, связанные с переходом к новой системе взаимодействия власти, общества, институтов, переходя от действующих неизменно на протяжении семи десятков лет патерналистских подходов в выстраивании социальной политики к некой совсем на тот момент не сформировавшейся парадигме абстрактного и манящего новыми возможностями капитализма, имеющей в своей основе рыночные принципы и механизмы распределения. Была выдвинута идея перехода на рельсы либерализма в кратчайшие сроки, а отработанных лекал и опыта перехода к новой системе не существовало и не могло существовать в силу уникальности ситуации [1]. По мнению Р. Макинтайра, «многие страны пытались ввести системы по моделям Западной Европы и Северной Америки. Но обычно нет ни административного аппарата, ни опыта, чтобы эти системы функционировали эффективно и справедливо. Более того, эти системы испытывают давление из-за возрастающей гибкости рынка труда и социально-экономической фрагментации, которая ее сопровождает. Комплексные системы социальной защиты, основанные на моделях Бисмарка и Бевериджа, которые появились в Западной Европе и Северной Америке в середине XX столетия, плохо приспособлены к гибкому, неформальному рынку труда, который сейчас возникает» [2].

В переходный период 90-х годов преобладали рыночные теории, принижающие вмешательство государства в происходящие социально-экономические процессы. Кроме того, реформы носили спонтанный характер, не выполнялась последовательность, в результате которой не происходило подготовки к очередным реформаторским начинаниям. Достаточно сложной задачей для Правительства является выработка поэтапных преобразований и реформирования различных звеньев социальной системы, разбалансированное развитие которых способно не только не приводить к положительным сдвигам, а наоборот, вызывать процессы стагнации, отторжения неудачно внедренных в ткань живого организма психообщественной инфраструктуры социально-экономических имплантов. Задача политиков, экспертов, специалистов различных отраслей выработать наиболее отлаженные механизмы модернизации хозяйственной системы, лежащие через детальное согласование интересов государства, общества, бизнеса, всех заинтересованных сторон.

Проблемы рынка труда являются смежными для многих составных элементов социального блока. К ним можно отнести несоответствие спроса и предложения на рынке труда, а значит, вопросы обратной связи работодатель–образование, разросшийся серый рынок труда, откуда недобор доходной части бюджета, что в свою очередь серьезно бьет по возможностям государства защитить социально слабые слои населения. Формирование рынка квалифицированного и интеллектуального труда — одно из обязательных условий развития современной экономики, ее инновационного пути развития. Много копий сломано вокруг серьезной демографической проблемы в сегодняшней Российской Федерации, однако по-прежнему подпитка рабочей силой идет из стран бывшего СССР, что по крайней мере «закрывает» вопросы, связанные с низкоквалифицированными работниками, но не решает проблемы воссоздания и умножения человеческого потенциала в регионах РФ [3].

Как заявляет заместитель председателя Правительства РФ О. Голодец, серый рынок труда в РФ к 2013 году достиг отметки примерно в 15–20 млн человек. При этом общее количество людей, находящихся в трудоспособном возрасте, составляет 86 млн. Однако из них только 48 млн платят налоги и отчисляют взносы во внебюджетные фонды. «Здесь есть категория населения, которая не работает по понятным причинам: женщины, ухаживающие за детьми, военнослужащие, которые проходят срочную службу. Но есть целая категория людей, которые сегодня не платят налоги, и встает законный вопрос: кто содержит этих людей?» [4]. В результате происходит недофинансирование пенсионеров. Проблема будет решаться мерами финансово-экономического характера. В частности, Минфин РФ уже разработал меры, которые существенно ограничивают хождение наличности в обращении.

Становление рыночных отношений в сфере занятости — это прежде всего создание институтов, обеспечивающих ее функционирование. Переходная экономика отличается от рыночной экономики тем, что в ней отсутствуют (или только начинают формироваться) институты, обеспечивающие функционирование рынка. Институциональная структура важна, поскольку рынок требует большого объема информации для своего функционирования, и центральная

роль институтов состоит в том, чтобы совершенствовать поток информации. Институциональное развитие необходимо еще по двум причинам: Россия не имеет ни традиций предпринимательства, ни опыта децентрализованного принятия решений. В силу этого важнейшее место в трансформации отношений занятости, как и всех других экономических отношений, занимают системно-институциональные преобразования. Их главная цель — формирование рыночного поведения в сфере занятости. Тем самым институциональной основой рынка труда является становление новых экономических институтов — экономико-правовых форм собственности, их спецификации; поиска контрагента, контроля за соблюдением контрактов, новое трудовое законодательство; традиции рыночного поведения и рыночной инфраструктуры.

Институт частной собственности является экономической основой функционирования рыночных отношений во всех сферах. Рынок труда в большей степени, чем другие рынки испытывает влияние институциональных факторов, так как труд является специфическим товаром, реализующим не только экономические, но и социальные функции. Поэтому институциональная среда рынка труда обеспечивает не только спецификацию прав собственности и определения условий трансакций, как на других рынках, но и сама по себе выступает специфическим механизмом функционирования рынка труда. В результате столь высокой значимости институциональных основ рынок труда достигает равновесия не только через традиционный механизм количественной и ценовой гибкости, но и через институциональный механизм.

Наряду с общей институциональной средой рынок труда находится под сильным воздействием формирующихся специфических институтов — профсоюзного движения, коллективных договоров по заработной плате, законодательства об индексации фиксированных доходов, методов и степени участия Правительства в регулировании трудовых отношений, а также исторически сложившихся традиций в стране, ее политической эволюции и других внеэкономических факторов [5].

Важно также учитывать уровень и структуру трудовой мотивации, свойственной населению региона, квалификационные особенности, привычки к дисциплине, добропорядочность и ответственность, инициативность и творческий потенциал, уникальные национальные и профессиональные привычки. Иначе ни один механизм, предложенный реформаторами, не работает должным образом. Известно немало примеров неудачной имплантации вполне себе успешных бизнес-практик на почву регионов, где вышеперечисленные условия не позволяли полностью использовать потенциал разработанных клише.

Еще один аспект, на котором нужно заострить внимание, это информационный фон, создаваемый вокруг региона в медийном пространстве. На рис. 1–3 предлагается агрегированная тематика медиапубликаций в трех Северо-Кавказских субъектах Федерации: Республике Дагестан (РД), Республике Северная Осетия (Алания) (РСО (А)) и Республике Кабардино-Балкария (КБР). Обращает на себя внимание то, что на инвестиционный климат и благоприятный имиджевый и брендовый потенциал региона негативно влияет основной информационно-негативный поток, идущий в российских СМИ. Основными темами публикаций в исследуемых республиках стали преступления и криминал, чрезвычайные происшествия, суды, конфликты и расследования и т. п. И только в РСО (А) на первом месте по частотности медиасообщений стоят вопросы политики и государства. Социальные вопросы оказались даже менее значимыми в медиапотоке 2015 года, чем спорт, искусство и культура.

Оценить и отнести субъект Федерации к регионам того или иного типа по ряду критериев довольно просто. Применяются различные варианты рейтингования на основе статистических показателей социально-экономического развития, на базе экспертных и выборочных опросов населения, по динамике изменения тех или иных показателей, по умозрительным оценкам теневого сектора, секторов личного хозяйства граждан и т. п. Дать системную объективную оценку со всех ракурсов с позиции экономиста, социолога, политолога, эколога и т. п., не упустив важнейшие детали, нелегко. По мнению исследователей во главе с Дж. Стглицем из так называемой «комиссии Саркози», «теории, которые мы создаем, гипотезы, которые проверяем, и убеждения, которые имеем, — все формируется нашими системами измерения. Ученые, занимающиеся социальными науками, часто слишком легкомысленно пользовались легко доступными цифрами, такими как ВВП, как основой для своих эмпирических моделей, не задавая себе лишних вопросов об ограничениях и предвзятости таких систем» [7, с. 24].



Рис. 1. Тематика медиапубликаций по Республике Дагестан за 2015 год, % от суммарной медиаактивности

Источник: SCAN-Интерфакс [6].



Рис. 2. Тематика медиапубликаций по Республике КБР за 2015 год, % от суммарной медиаактивности

Источник: SCAN-Интерфакс [6].



Рис. 3. Тематика медиа-публикаций по PCO(A) за 2015 г., % от суммарной медиаактивности

Источник: SCAN-Интерфакс [6].

Есть ли у Северо-Кавказских регионов, зачастую к ним применяются термины депрессивный, проблемный и т. п., общие черты и черты, отличные от других регионов РФ? На первый взгляд, беспокойная криминогенная обстановка вносит наибольший деструктивный вклад на протяжении последних лет советского и практически всего периода с 1991 года по наши дни [8]. Одним из факторов, усложняющих познание и понимание идентификационного пространства рассматриваемого региона, является сложившийся стереотип — негативное отношение к этническому/кавказскому фактору [9, с. 77–78]. По мнению О. Русиновой из пятигорского филиала Северо-Кавказского федерального университета, причина отсталости СКФО кроется в сельскохозяйственном крене экономики региона. «Продукция пятого технологического уклада представлена лишь в трех регионах СКФО: Республике Дагестан — 7,8 %, Кабардино-Балкарской Республике — 11,1 %, Ставропольском крае — 4,6 %» [10, с. 136]. А. Ш. Ахмедуев из Института социально-экономических исследований Дагестанского ИЦ РАН указывает на опасность в социальном плане все более остро проявляющей себя проблемы увеличения числа так называемого прекариата (англ. *precarious*) — нового социального класса, положение которого на рынке труда и в социальной структуре общества характеризуется как ненадежное, рискованное, опасное [11, с. 111]. «Прекариат — это социально-экономическая группа (в некоторых странах она составляет четверть взрослого населения), характеризующаяся тремя особенностями: ее представители заранее не обеспечены рабочими местами; помимо непосредственной оплаты труда, они не получают дополнительных социальных гарантий в виде пенсий и пособий по безработице; люди, принадлежащие к этому классу, часто лишены определенных гражданских прав, которые есть у других членов общества. Прекариат растет за счет мигрантов, женщин, учащихся» [12, с. 130]. Северо-Кавказский прекариат — это вообще отдельная и уникально специфичная страта современной сложной и противоречивой социальной структуры региона.

Но не только это. Есть еще и эксплуатация статуса «неспокойного региона» с целью извлечения дополнительной ренты из федерального бюджета в пользу дополнительных трансфертов на «обеспечение и стабилизацию социальной напряженности», что на поверку в ряде случаев банально является доходом местных элитных кланов. Что можно противопоставить подобной практике? Налаживание открытого и эффективного бизнеса зачастую не складывается в связи с инвестиционными рисками предпринимателей [13]. Принудительное привлечение капитала олигархов, выходцев из этих республик является ограниченным и точечным. Возможно, поможет включение эффективных механизмов государственно-частного партнерства? Но разрекламированный в последние годы механизм также пока дает осечку.

Объединение регионального сообщества под общие концептуальные задачи в рамках федеративного государства — нетривиальная задача для современной России. А именно: возросшее влияние сепаратистских настроений в различных странах мира, в том числе и в Европе, не могут избежать и регионы нашей страны. И это не только традиционно приводимые в пример республики Северного Кавказа. Есть подобные настроения практически во всех приграничных регионах, которые напрямую пытаются наладить коммерческие отношения с соседями, есть и сырьевые регионы, стремящиеся получать ренту только в свою казну, и не «кормить» федеральный центр. Конфессиональные различия также становятся причинами, не дающими обществу сплотиться вокруг хозяйственных и производственных проблем, атомизируя общество.

Таким образом, есть необходимость консолидировать социальный капитал. При измерении социального капитала могут использоваться качественные и количественные показатели, характеризующие такие компоненты социального капитала, как группа и сеть, доверие, участие в коллективных действиях, социальная включенность, информация и коммуникации [14]. По словам Т. Гужавиной из Института социально-экономического развития территорий РАН, «несмотря на всю сложность категории социального капитала, в научной среде накапливается опыт измерения данного феномена» [15].

В заголовке настоящей статьи использовалось понятие, введенное профессором М. Г. Завельским, «психообщественная инфраструктура» [16, с. 8] региона (территории), которому им было дано следующее определение: «накладываясь на генофонд, действующие нормы поведения в сочетании с природной средой хозяйства формируют его психообщественную инфра-

структуру — закрепленные в традициях населения страны такие нравственные устои и деловые навыки, такое понимание им реальности, которые вместе взятые проявляются в характерных для большинства обитателей данной территории хозяйственных склонностях, предприимчивости, качестве, дисциплине и интенсивности труда, умении порождать, воспринимать, осваивать новинки и приспосабливаться к ним». В этом же направлении продвигаются ученые из Тюменского государственного университета В. Давыденко и Г. Ромашкина. Они считают, что «теоретическая проблема исследования и изучения экономических механизмов формирования и воспроизводства социальной структуры региона и их оснований состоит в концептуализации категории социального воспроизводства региона с учетом пространственного и других значимых факторов, сущностно раскрывающих жизнедеятельность населения региона и показывающих, как происходит сохранение, восстановление, обновление и создание условий его существования и развития» [17]. Таким образом, многие исследователи сходятся к одной мысли, а именно: о необходимости создания в обществе критической массы заинтересованных в поступательном инновационном развитии людей, при определенных условиях способных дать толчок к системному развитию социума, что позволит структурно менять экономику, а также консолидироваться вокруг стратегических проектов развития. Иначе говоря, не мобилизационный сценарий, спускаемый сверху, предопределяет развитие хозяйства, а согласование интересов общества и элит в реализации целевой функции построения современного инновационного общества. Что соответственно подводит нас к очевидной необходимости инфраструктурного обновления связей между институтами образования, науки и высокотехнологичного производства [18, с. 7–9]. Насколько удастся обеспечить эти механизмы, в теоретическом и практическом построении которых будут участвовать не только чиновники министерств и ведомств, но и ученые, эксперты, политические консультанты, представители бизнеса и социальных институтов, будет зависеть устойчивость взаимодействия элит и всего общества, а в итоге и возможность достичь структурных экономических сдвигов.

Проблемы функционирования и развития научно-образовательного комплекса в регионах становятся на современном этапе развития, без преувеличения, ключевыми. Но именно этот бюджетный сектор претерпевает последние десятилетия перманентное реформирование и тотальную нехватку ресурсов на развитие. Здесь формируется человеческий капитал региона, специалисты, необходимые для развития современного производства, науки, медицины, культуры и т. п. На высших учебных заведениях, помимо основной нагрузки обучить ремеслу, лежит еще одна серьезная ответственность, а именно: формирование патриотических и всесторонне развитых личностей. Собственно, одна из функций современного вуза — создание центров социализации молодежи, способных консолидировать ее и наиболее плавно и безболезненно подготовить к вхождению в новую страту общества, во взрослую жизнь. Без тщательной работы над качеством человеческого капитала не удастся реализовать масштабные проекты по переориентации хозяйства на инновационные рельсы развития. В то же время, не получив рефлексии от всего общества, не «достучавшись» до всех социальных страт, существующих в конкретном регионе здесь и сейчас, не найдя точки согласования их интересов, на прогресс и успешное развитие этих регионов рассчитывать не придется.

Литература

1. Агентство Росбэлт [Электронный ресурс]. — М. — Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/business/2013/04/03/1113230.html>, свободный. — Загл. с экрана.
2. Аджикова А. С. Риски предпринимательской деятельности как лимит-факторы развития экономики регионов Северо-Кавказского федерального округа / А. С. Аджикова, Н. Н. Школьников // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2012. — № 10. — С. 24–32.
3. Ахмедуев А. Ш. Глобализация и прекаризация населения планеты: опасные вызовы и тренды нового миропорядка / А. Ш. Ахмедуев // Апробация. — № 3 (42), 2016. — С. 110–127.
4. Багомедов М. А. Проблемные регионы в России: их формирование на Северном Кавказе и безопасность развития / М. А. Багомедов // Вопросы структуризации экономики. — 2012. — № 1. — С. 6–12.
5. Гужавина Т. А. Социальный капитал региона как фактор модернизации // Проблемы развития территории. — 2016. — № 1 (81). — С. 130–144.
6. Давыденко В. А. Экономические механизмы формирования и воспроизводства социальной структуры региона / В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2013. — № 8. — С. 95–104.
7. Завельский М. Г. Закономерности хозяйства // Экономическая политика и фондовый рынок: модели и методы системного анализа. Труды ИСА РАН, том 47, 2009.

8. Макинтайр Р. Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов // *Проблемы прогнозирования*. — 2002. — № 2. — С. 142–150.
9. Петросянц Д. В. Демографические аспекты региональной социальной политики // *Региональные проблемы преобразования экономики*. — 2015. — № 5 (55). — С. 73–80.
10. Русинова О. С. Специфика воспроизводственного развития проблемных регионов Северо-Кавказского федерального округа // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. — 2015. — № 4. — С. 135–139.
11. Сакс Д., Ларрен Ф. *Макроэкономика. Глобальный подход*. М., 1996. — С. 521.
12. Сидорина Т. Ю. Социальная политика в обществе вертикального контракта // *Мир России: Социология, этнология*. — 2007. — Т. 16. — № 2.
13. Симонов К. В. Социально-политические проблемы общественного согласия при формировании регионального инновационного кластера / К. В. Симонов, Д. В. Петросянц // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. — 2015. — № 4. — С. 6–12.
14. Система комплексного анализа новостей SCAN (Интерфакс) [Электронный ресурс]. — М. — Режим доступа: <http://scan-interfax.ru/>, свободный. — Загл. с экрана.
15. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 216 с.
16. Стэндинг Г. *Прекариат — новый опасный класс*. — М. — 2014.
17. Хунагов Р. Д. Инновационное управление регионом в контексте укрепления российской идентичности / Р. Д. Хунагов, А. Ю. Шадже, Е. С. Куква // *Социологические исследования*. — 2015. — № 3 (371). — С. 127–132.
18. Penning J. M. Human capital, social capital and firm dissolution / J. M. Penning, K. Lee, A. van Witelostuijn // *Academy of Management Journal*. 1998. Vol. 41. P. 425–440.

References:

1. Sidorina, T. Y. Social policy in the community vertical contract // *World of Russia: Sociology, Ethnology*. 2007. T. 16. No. 2.
2. McIntyre R. Social policy in countries with economies in transition in the aspect of human resources development // *Problems of Forecasting*. 2002. No. 2. P. 142–150.
3. Petrosyants D. V. Demographic aspects of regional social policy // *Regional problems of economic transformation*. 2015. No. 5 (55). P. 73–80.
4. The Agency Rosbalt [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.rosbalt.ru/business/2013/04/03/1113230.html>, free. Caps. screen.
5. Sachs D., Larry F. *Macroeconomics. Global approach*. M. 1996. P. 521.
6. The system of complex analysis of news SCAN (Interfax) [Electronic resource]. Mode of access: <http://scan-interfax.ru/>, free. Caps. screen.
7. Stiglitz D., Sen A., Fitoussi J.-P. Invalid appreciating our lives: Why GDP does not make sense? Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress / per. from English. I. Kushnaryova; scientific. Ed. translation T. Drobyshevskaya. M.: Publishing House of the Gaidar Institute. 2015. 216 p.
8. Bagomedov M. A. Problematic regions in Russia: their formation in the North Caucasus and security development // *Questions structuring of the economy*. 2012. No 1. P. 6–12.
9. Hunagov R. D., Shadzhe A. J., Kukva E. S. Innovative management of the region in the context of strengthening of Russian identity // *Sociological studies*. 2015. No. 3 (371). P. 127–132.
10. Rusinova O. S. Specificity of the reproductive development of problem regions of the North Caucasus Federal District // *Economic and humanities research areas*. 2015. No 4. P. 135–139.
11. Ahmeduev A. Ş. Globalization and precarization of the world's population: the dangerous trends and challenges of the new world order / A.S. Ahmeduev // *Testing*. No. 3 (42). 2016. P. 110–127.
12. Standing G. *Prekariat — new dangerous class*. M. 2014.
13. Adzhikova A. S., Shkolnikova N. N. The risks of entrepreneurial activity as a limit of factors of economic development of the North Caucasus Federal District // *National interests: priorities and security*. 2012. No. 10. P. 24–32.
14. Penning J. M. Human capital, social capital and firm dissolution / J. M. Penning K. Lee, A. van Witelostuijn // *Academy of Management Journal*. 1998. Vol. 41. P. 425–440.
15. Guzhavina T. A. Social capital region as a modernization factor // *Problems of development of the territory*. 2016. No. 1 (81). P. 130–144.
16. Zavel'sky M. G. Laws of the economy // *Ekonomicheskaya policy and the stock market: models and methods of system analysis*. Proceedings of ISA RAS, vol. 47. 2009.
17. Davydenko V. A., Romashkina G. F. Economic mechanism of formation and reproduction of the social structure of the region // *Vestnik of Tyumen State University. Socio-economic and legal research*. 2013. No. 8. P. 95–104.
18. Simonov K. V. The socio-political issues of public consent in the formation of a regional innovation cluster / K. V. Simonov, D. V. Petrosyants // *Humanities. Journal of Finance University*. 2015. No. 4. P. 6–12.